

Более десятка лет наш земляк Ф. Шипунов в журнале «Наш современник» опубликовал свои воспоминания о малой родине - селе Елиново. Это уникальный материал, позволяющий заглянуть в прошлое района, оценить его. Итак, Фатей Шипунов - «Великая замятня».

- В 1980 году я заехал на свою малую родину - в село горного Алтая. Осмотрев его со склона горы, обнаружил, что оно почти вымерло: 17 захудалых изб с огородами и мелкими хозяйственными строениями стояли на большом удалении друг от друга. Ни одной живой души не было видно! Правый склон долины речки Щебеты, где сеяли знаменитую ярицу - яровую рожь, весь покрылся лиственничным молодняком. Солнечные увалы, где обычно возделывали пшеницу, также обступили со всех сторон молодые леса, а по логам и мелким долинам речек, некогда изобильным сенокосами, - непроходимые чащи ивняков, березняков, осинников, лиственничков. Деревьям было уже не менее полувека, а тем, что росли ближе к селу, лет 25-30. Что случилось с землей, которая так быстро запустела и занялась лесом? И почему мои односельчане допустили это?

Поднимаюсь вверх по своей любимой речке - Елиновой, где каждый камень и куст, каждый изгиб живого потока воды вызывает воспоминания, радостные или грустные. Непросто было ее перейти вброд еще в 40-е годы да и верхом на лошади не везде, бывало, проедешь - вода под стремяна, а то и выше! Теперь она пробивается среди камней едва заметным ручейком.

Не стало речки! Десяток ключей, ее питавших, высохли. Даже ключ с водопадами и бурчилами, который мы называли Быстреньким, исчез и зарос тальниками и кустарниками. Еще 40-50 лет тому назад она была самой рыбной в округе: водился здесь в изобилии стремительный хариус. Теперь она мертва! От одной мельницы не осталось и следов, а от другой - нашел два жернова! Завершался август, а травы на сохранившихся приречных лугах не кошены!

В селе, там, где стоял добротный телегинский дом, - полынь да бурьян! И рядом, на горе, нет парамоновского дома! Большая, хорошо выстроенная усадьба Фефеловых так заросла крапивой, что и близко не подойдешь. Чудный дом был разорен еще в 30-е годы. Два брошенных дома за речкой совсем обветшали. Один из самых красивых домов - Рехтина, где в 40-50-е годы размещалась четырехклассная школа, вывезен на центральную усадьбу совхоза. И это место заросло крапивой. В пятидесятые не стало родового дома, в семидесятые исчезла изба, в которой провел детство.

Я недосчитался более 60 дворов. Родники, бившие холодными струями из-под известковых горюшек и разливавшиеся в чистейшие озерца, также сгнули или забиты мусором, грязью. Десятки лет ничья рука к ним не прикоснулась, чтоб их восстановить.

Но причудливые обрамления гор, сияние в лучах солнца снежных вершин, формы глубоких долин и поворотов рек, спускающиеся чередой в них облака и появляющиеся по утрам над поймами туманы - весь безмолвный вечный строй природы был все тот же, как и 50 лет назад. И тем не менее что-то очень важное отсутствовало в этом строе, угнетало душу, вызывало тревогу.

Не слышны были детские голоса, хозяйственный гомон крестьянских дворов, не встречался и сам крестьянин. И только ли это? Не от ума, а от сердца пришло, что пропала здесь простая человеческая радость бытия, исчезла красота земли и творений человека, покинул долину всетворящий дух, где была и есть моя малая родина!

Подумалось тогда, что, видимо, села, как и люди, также смертны. Они рождаются, резвятся, мужают, затем дряхлеют и погибают. Может быть, и судьба моего села такова же. Но от отца узнал, что оно погибло в расцвете сил, в начинавшейся юности! Много раз он мне рассказывал о селе, его крестьянах, их бедах и радостях, последней войне. Но на этот раз поведал самое главное, может быть, так до конца и не пережитое, состарившее его раньше времени, и без того искалеченного на фронте. Спустя три года после грустной исповеди он ушел из жизни.

Большое село Топольное, созданное в конце 18 века выселенцами из Петропавловского, старинного алтайского села. В 60-70-е годы прошлого века (речь идет, естественно, о 19 веке) оно имело заимки по долинам речек-притоков р. Ануй, в том числе и по речке Щебете. После того, как в начале XX века некоторые земли Алтая были переданы крестьянам под заселение, эти заимки стали обрастать деревьями. Так, из трехзаимочного поселения на реке Щебете и возникла вначале деревня, а потом и село. В нем перед революцией насчитывалось 80 дворов с 480 душами обоего пола, из них взрослых трудоспособных - более 240 душ.

Вначале дома рубились на месте из живого леса, обычно из ельника, что произрастал по берегам рек. Потому и прозвали село Елиново. Крестьяне разработали и окультурили вокруг села пашни и сенокосы. Пастбища простирались по горам и долинам на многие километры в округе. На каждый крестьянский двор приходилось не менее 4-5 лошадей, 7-8 голов крупного рогатого скота (в том числе 3-4 дойных коровы), 10-12 овец и коз. По логам и долинам рек и речек каждый домохозяин ставил до 30 ульев. Он также имел более чем по пять десятин посевных площадей, где возделывались рожь, ячмень, пшеница, овес, лен, горах, бобы, картофель, а на огородах - овощи. В садах преобладали местные сорта ягодников и фруктовых.

Крестьянское землепользование держалось на общинном уставе, в который входили чересполосица и переделы, особенно покосов. Они нередко вносили споры, разногласия и раздоры в общину, которые миром улаживались, но в душе самых хозяйственных крестьян поселяли горечь и какую-то неустрашенность.

Понимали они, что эта неустроенность не помогает увеличивать силу земли и способность землевладельцев в поднятии урожайности возделываемых культур и трав. Крестьяне как будто сговорились круговой порукой и держали более десятка лет среднюю урожайность зерновых неизменно постоянной: озимой ржи - 45-50 пудов с десятины, ярицы - 40-45, озимой пшеницы - 65-70, яровой пшеницы - 40-45, ячменя - 55-60, овса - 50-55 пудов. Нередко высокие урожаи - стопудовые и выше - вызывали зависть у некоторых односельчан и вели в скором времени к переделу земли. Ежегодно около 15 пудов хлеба шло на прокорм одного члена семьи, а более 18 пудов на душу оставалось в остатке.

Не торговало бойко село хлебом, как степные многолюдные села, но после обильных урожаев выдавало из излишков на торге до 2-2,5 тысячи пудов отборного зерна. Потому и неведомы были людям голодовки, и незнаема была скоту и птице бескормица. По будничным дням стол крестьянский полнился простым ячменным да ржаным хлебом, а по праздничным прибавлялся и пшеничный. А всех хлебов пеклось в русских печках до десяти сортов. В постные дни к этим хлебам подавалось до 5-7 блюд, в остальные и поболее.

Но с 1910 года стали наезжать в село землемеры, часто упоминавшие в разговорах с крестьянами имя Столыпина и губернских земельных деятелей. По согласию сельского схода они нарезали землю и постоянно на ней закрепляли часть домохозяев. Ими являлись прежде всего те крестьянские семьи, которые вели уход за землею, расчищая ее от кустарников и леса. Не прошло и двух-трех лет, как эти дворы стали получать более чем стопудовые урожаи зерновых на своих пашнях! Потянулись и другие туда же, и пошли заявления в волость на постоянное землевладения. К 1916 году 15 процентов крестьянских дворов владели неотчуждаемой землей, то есть без передела и чересполосицу. Из заимок выросли хутора.

По согласию общины, за отдельными домохозяевами или несколькими семьями закреплялись участки рек и речек для их расчистки от мусора и заиления. Точно так же закреплялись лесные участки, где проводился уход за древостоями и вырубка их спелой доли для потребности дворов. За состоянием закрепленного леса и правильностью ведения в нем хозяйства следило казенное лесничество. Другой домохозяин не мог рубить себе деловой лес не на своем участке, хотя сбор ягод, грибов и съедобных растений разрешался повсюду. Также были закреплены за дворами и кедровые леса, где запрещалось рубить живые плодоносящие деревья, не позволялся сбор кедровых орехов.

По многолетней практике сроки сенокосов, уборки зерновых и других культур и даже время рубки леса были известны. На этот счет были в селе старожилы-знатоки не только хода погодного времени, но и биологического, и даже, как теперь сказали бы, экологического времени, в котором должны были разворачиваться хозяйственные работы.

Эти крестьянские мудрецы знали, что круг экологический, который не похож от сезона к сезону и от года к году, переходил в круг хозяйственный,

столь же непохожий в годовом и многолетнем циклах. Но в этом и было единство разнообразия сельского мира, радость не похожего ни на один миг крестьянского дела, требовавшего не только терпения, но и огромного таланта и выдумки.

По жизни этих знатоков - народных умельцев - негласно равнялось все крестьянское население в своей многосложной деятельности. «Фефеловы выехали на посев ярицы» - говорила жена мужу за ужином. И на следующее утро домохозяин готовил инвентарь, сбрую и лошадей к посевной на завтра. И так было во всем, но со своими прикидками на землю, добротность зерна, силу лошадей, дальность выезда, подмогу сыновей.

Траву косили тогда, когда пчела мед вынесла, а сами растения отдали семена земле да «поспели» для покоса. Обычно сенокосная пора начиналась после Петрова дня, уборка первых зерновых - после прохождения «хлебозоров», или «зарниц» (дальних высоких гроз), в начале августа, а льна - после выпадания обильных рос. Под пары навоз вносили на Троицу, а под овощи самый ценный навоз - конский - вносился перед их посадкой. А всего знали в селе более 20 способов изготовления навоза. Ведь у каждого домохозяина земелька требовала своего подхода и обихаживания, своей ласки! Да и сортов зерновых были десятки. Почти каждая семья имела свой набор сортов, особенно ржи. При переделе да чересполосице господствовала трехполка, редко четырехполка. А после закрепления неотчуждаемой земли крестьяне повели на ней шести-, девяти-, а то и двенадцатиполку!

Реки и речки были в общем пользовании, являясь питьевыми. В отношении рыбной ловли соблюдались жесткие правила. Так, в нерестовое время, когда шли на свои гульбища хариус, налим и таймень, для установки каждой верши разрешалось перегораживать не более чем треть реки. Все следили также за тем, чтобы были настилы и мосты через родники, речки и реки, для того чтобы не мутить воду и не грязнить ее смазочными материалами. Мочка льна и конопли была разрешена только на отводных рукавах без стока обескислороженных вод в открытые водоемы. По речкам и ключам, и тоже на отводных рукавах, было построено 20 мельниц. Они были вписаны в природу с минимальными ее нарушениями: никогда не перегораживалось основное русло реки, речки или ключа. Мощность каждой из таких мельниц достигала 5-7 киловатт. Так что вместе с рабочими лошадьми они давали установленную мощность до 300-400 киловатт. Такой мощности хватало селу для обеспечения его хозяйства энергией, хотя труд еще был во многом ручным, особенно в животноводстве. Однако уборка зерновых и их обмолот все больше становились полумеханизированными: были уже молотилки, жнейки и косилки.

Гумновое хозяйство, о котором в скором времени забудет крестьянство, позволяло без надрыва обмолачивать хлеба в позднеосеннее и зимнее время, когда зерно в снопах становилось «спелым», набирало максимум живительной силы. С такого обмолота шел тот хлеб, который красотой, запахом и здоровьем вершил крестьянский престол! Потому и

считалось обмолачивать хлеба раньше времени, когда они не дошли в скирдах на гумне, делом греховным и зряшным.

В селе был и кооператив по приему молока, поступавшего в изобилии с крестьянских хозяйств. На его маслобойке вырабатывалось масло, имевшее мировой спрос. Привозимый с трехсот насекомых мед считался наиболее ценным и шел, как правило, на рынки Москвы, Санкт-Петербурга и даже Лондона. На случай недородов, несчастий и прибавки в посевах береглось в достатке страховое и запасное зерно. Для этого были сооружены особые склады, которые назывались «мангазеями».

Крестьянский достаток, названный в 30-е годы «богатством», определяется трудолюбием и умением вести хозяйство то есть радением земле и сельскому делу. Один встал до свету и по росе накашивался вдосталь, а другой - к десяти часам и косу не отбил! У одного сено собрано в стогах загодя, а у другого – в дождь оставлено в прокосах да малых копнах. Иной и по ночам строит водяную мельницу, а тот - в ступе ячмень толчет. Один сани делает так, что годы ходят без ремонта, а второй — тят-ляп, на один год! Крестьянский недостаток, прозванный в те же 30-е годы «бедностью», происходил главным образом от лености в труде, неумения вести хозяйство, то есть нерадения земле и сельскому делу.

В 1913-1914 годах захудалых хозяйстве крестьянским недостатком было в селе около 20 дворов, имевших на семью в 5-6 человек 1-2, реже 3 дойных коровы и 2-3 запряжных лошади.

В закрома засыпалось у них около 20 пудов надушу в год. Крестьянский мир считал такие семьи несчастными, стремился им помогать, опекать, и число их оттого с годами уменьшалось. Может быть, нерадение это рождалось от неуважения к сельскому делу, от «нележания души» к нему. Потому и переходили от крестьянствования к кустарным и отхожим промыслам, тянулись к частым переездам от села к селу, забрасывали животноводство, которое ко двору привязывало неотлучно. Крепких хозяйств с высоким достатком имелось в те годы около 20 дворов, которые на 10-12 человек семьи держали 15-20 дойных коров и 20-25 запряжных лошадей. Хлеба намолачивали более 30-35 пудов надушу в год. Более половины хозяйств, имевших в семье 5-6 человек, содержали 7-8 дойных коров и столько же рабочих лошадей. Они засыпали хлеба также более 30 пудов надушу в год. Крестьянский достаток этих хозяйств был столь же высок, как и у крепких хозяйств. Впоследствии в 30-е годы в горном Алтае эти три категории хозяйств будут положены в основу классового деления крестьянства на бедных, кулаков и середняков. Наемный труд в селе не применялся, разве что на помочи призовут так для того чтобы не только в сжатые сроки сделать работу, но и на народе побыть. И катились эти помочи от двора ко двору!

В больших селах были один-два двора, державшие до 30-40 доимых коров и столько же запряжных коней. Такие дворы имели 2-3-х работников, которые, проработав несколько лет в найме, вставали на ноги и становились вровень с трудолюбивыми и зажиточными домохозяевами. С 30-х годов

повелось считать, что причиной бедняцких дворов являются мироеды, что, видимо, в степных округах имело место но не в нашем селе, в котором приторговывал скотом только один двор - Митрофана Рехтина. Но и его нельзя было отнести к мироедам.

Самое интересное, что этот социально-трудовой устой села происходил не столько сам из себя, сколько из другого устоя- хозяйственно-экономического. Каждое хозяйство двора было поистине организмом, состоящим из человеческой семьи, домашних животных, растений, в целом земли-кормилицы. И чем слаженнее был тот организм, опирающийся на вековое крестьянское знание многих поколений, их хозяйственный и экологический опыт, чем талантливее он был устроен, тем более продуктивно действовал, тем больше был прибыль в хозяйстве. Потому крестьянство - это одно из величайших искусств, которое было по плечу не каждому. Оно было по силам тому, кто рождался с молоком матери крестьянином, кто затем жил и творил как знаток земли, который объективно проявлялся крестьянским умельцем. Тут великое крестьянское умение - умение проистекало от столь же великого крестьянского знания - мудрости.

Но и этот устой в свою очередь вытекал не столько сам из себя, сколько из еще более глубинного устоя - нравственно-духовного, опиравшегося на нерасторжимые связи крестьянина и природы, земли и тварей ее населяющих. Скажем, приезжал дед Грифон Лаврентьевич Новиков с пасеки в свое большое семейство с невестками, детьми и внуками и спокойно за столом при всех говорил: «Миритесь, из-за вашей свары боль - пчелы плохо влет идут!» И мирились в семье, кто семя злобы внес, и после того примечал дед, что пчелы выправились в службе по опылению растений и сбору меда. В доброй семье и пчелы были добры и к работе пригоди, а в недоброй и особо злобой - агрессивны и ленивы в труде и даже охочи до чужого меда. Сей знаменательный факт наблюдался и у других домашних животных, особенно собак, хотя и не был правилом. Другими словами, нравственность незримыми путями распространялась от мира человека к миру животных и растений, от которых получала в свою очередь ответную реакцию. В нравственный мир человека включался мир сродных живых существ, которых он нарекал по именам, давал им смысл существования. Но в основе этого явления лежала любовь, которая была многогранна и всеобъемлюща: к отцам и дедам - прошлому, к детям - будущему, к родителям - настоящему, к земле с ее животными и растениями - своей второй живой половине. Вот почему земля являлась не столь поприщем, сколько детищем крестьянина.

Оттого - и провиденциальность, осмысленность человеческой жизни, которая не только зависела от воли живых, но и от памяти об умерших и от думы о еще неродившихся. Выхолненные буренки и красули рожали телочек еще краше, чем их матери, а воронухи и гнедухи - таких же жеребят, которых жалко было отдавать в чужие руки, - все они были членами семьи. И тем во многом объяснялось прибавление стада коров и лошадей. Оно росло, как на

опаре! И было то не столько от достатка в земле и числа работников в семье, сколько от милосердия к сродным существам, душевной боли за них. Потому подлинное крестьянствование - великий духовный подвиг, который тем более не каждому по плечу.

Оно было под силу тому, кто с колыбели его чувствовал, им жил и творил как духовный подвижник, который объективно проявлялся в святительстве земли своей. Земля для него была не столько мастерской, сколько храмом! Именно крестьянин более всего верил во что-то иное, чем само крестьянствование. А это означало, что и весь народ также верил во что-то иное, чем сама его история.

Перед самой революцией деды уговаривали своих могучих сыновей приступить к созданию православного храма на селе такой красоты, которой еще не было в храмах, построенных в старинных селах Сибирячихе, Черном Ануе или Солонешном. И облюбовали место, где его ставить! И старообрядцы готовились срубить на славу свой молельный дом.

Веками создавался крестьянский мир, и вся его полнота еще не постигнута. Но ясно, что этот мир рождался из крестьянского чувства красоты, важнейшего связывающего звена между материальным и духовным миром как источником культуры. Потому-то крестьянская культура лилась, как из драгоценного сосуда, несказанной красотой на бесчисленные веси, затерявшиеся на просторах России. Она составляла основу всеобщей культуры Отечества.

Пусть малой долей, но вносило изо дня в день свою лепту в этот процесс и село на Алтае. Оно благоустраивалось добротными усадьбами с домами, амбарами, скотными дворами, гумнами, мельницами, заимками, поскотинами. Всяк хотел блеснуть умением сладить свой дом напригляд другому, показать, что и он не лыком шит, чтоб говорили: «Вот парамоновский, болыгаковский или новиковский дом!»

Село шло улицей вдоль реки Щебеты и ее притоков - речек Елиновой и Рыбной. По улице не ездили, чтобы ее не захламлять да не разбивать зеленые лужайки около домов, чтобы всегда она была праздничной. Заезд к хозяйственным строениям был с околицы, по-за огородами. И утопало в зелени трав-мурав да раскидистых ветел поселение, не были разъезжены и раздрызганы вкривь и вкось проселки; радели за деревенскую улицу. «Ах, какая ярица уродилась у Ермилы! Глаз бы не отводил», - говорил сосед соседу. У одних - так лошади все вороные, а у других - гнедые иль игрение! Появились домохозяева, где все лошади были не только одной масти, но и иноходцами, А сбруи на масленицу и под серебром, и под медью, и под медью и серебром разом, и плетенные в десятки ремней! А крестьянская одежда из десятков домотканей - то тончайших, то средних, то крученых в несколько, то грубых нитей из льна или шерсти! И прикупленные ткани на ярмарках! Глаз не отведешь, а главное - легкие, удобные, здоровые! Для женщин и девушек на каждый божий праздник, почитай, иная одежда-сарафаны, оборки, юбки, кофты, шали, кокошники, пояски, бусы, жемчуга, ожерелья, серьги. Как маков цвет или июньский алтайский луг в цвету по-

крыто село в такие дни разодетыми сельчанами. А крестьянская утварь из сотен изделий, и какой красоты и утонченности! Сейчас кажется, что не они, крестьяне, все это творили, а некто другой. И где только время брали?

Да, крестьяне много и трудно работали, часто с четырех часов утра до позднего вечера, особенно в страду, но следили главы семейства да старшие в роде, чтоб надсады никто не имел - грех-то неоправданный! Потому умели отдыхать. «Отдохнем - так потом и примахнем», - говаривали старики. Более 110 дней в году было праздничных, включая воскресенья, когда считалось, что работа в лесу, поле, на огороде, гумне и стройке являлась грехом и потому не шла впрок. Многие из этих дней уходили не только на молитву, устройство нравственного лада и духовного покоя и мира, но и на творение красоты во всем, что окружало крестьянина и что воздействовало на его повседневную жизнь.

Песни в такие праздничные дни лились со всех сторон - каждая семья имела свои особенные песни и напевы общесельских несен. Что ни семья - то многоголосый хор! Но и летом на работу или с работы - с песнями. И на девичьих посиделках за веретенем - тоже песни! А какими хороводами славились сельские девушки и парни! Завидовали тому многие села и деревни и старались выбирать невест и женихов в селении на берегах речки Щебеты. Породниться с крестьянами села на этой речке было завидным делом!

А какие свадьбы справляли! Что ни семья, что ни село - свадьба свадьбе рознь! Неслись по накатанному снегу 7-8 троек и пар лошадей, запряженных в чудесно расписанные кошевки и возки, и лились по долинам от села к селу звон колокольчиков, игра гармошек да проголосные песни. На первой серой тройке - дружка с женихом и невестой, на второй, соловой тройке - родители той и другой стороны, а следом на чалых, игренях, бурых, мухортых, карих и вороных парах - свахи, родные и близкие, стрельцы-молодцы да потешники,

И длилась свадьба неделю, и заезжала она в десятки крестьянских ворот, пока вся родня окрестных сел и деревень не угостит молодых и всех с ними давно перебродившей в логунах под божницей а горнице медовухой. И диву теперь даешься, как умели крестьяне творить красоту своей жизни и обладать радостью простого человеческого бытия.

Быть крестьянином означало постоянно нести крест тяжелое бремя не только кормления народа, но и сохранения его нравственно-духовного здоровья. В тяжком несении крестьянского тягла, в радостях и печалях, в творчестве хозяйства и культуры пребывали села и деревни, не ведая безнравственных помыслов, поступков и дел. Было то же и в далеком селе на Алтае. Не поклониться соседу или селянину, увидев его первый раз на день, не пожелать ему здравствия, не спросить его о здравии деток, хозяйки, благоденствии хозяйства - только потемневший разумом и растерявший совесть человек мог пойти на то.

Как зеницу ока берегли и хранили честь девушки и парня, семьи да и села. Без согласия родителей, без венца вступить в сожительство девушке

или парню - хуже не было греха, позор - не только на семью, но и на все село и всех родичей в округе. Хождение из семей от живых мужа или жены по сударикам и сударушкам, смена жены или мужа при их жизни - преступление, которому не было никакого оправдания. Семьи, где это встречалось, считались несчастными, которых можно было только жалеть, как домашних животных. И жалели их, и пытались исправлять их, но породнение с ними не вязалось. Как чудесные нежные цветы, лелеяли и растили девушек перед выданьем замуж. Никто при них не то что не осмеливался говорить обидные, хульные, скверные, недостойные слова, но и в светлых, добрых, радостных и красивых речах имел подбор.

Никто не смел беречь душу девушки или парня, когда они готовились к совершению святою дела - творению семьи. И берегли язык свой, не засоряя его зазорными и зряшными словами, пустословием и суетностью. Что ни семья, что ни село - то речь особая, со своими поговорками, пословицами и прибаутками - меткая, точная, краткая, смышленная. Для тех крестьян, что владели тем языком, нынешний - просто тарабарщина, почти что набор звуков, не могущих отразить тонкую мысль, надругательство над священным общением между разумными людьми. «Каков язык - таковы и души», - помнили все!

Только приставленные костыльки или хворостинки к дверям «охраняли» дома и оповещали, что в них нет ни души. На заимках по дальним пасакам и покосам оставался хлеб, квас и мед для уставшего прохожего иль заезжего путника. За всю историю села был один случай кражи сбури. Того воришку изловили, провели с одетым хомутом по селу, чтоб другим было неповадно, и отпустили с миром. А попадался еще раз на том же - получал отходную из села на все четыре строны.

Большая по территории, хозяйству, населению Солонешенская волость имела в управлении старосту из местных крестьян на общественных началах, платных писаря и урядника. В селе же избирался на сходе из добрых и самых толковых крестьян староста, и тоже на общественных началах. Под руководством такого старосты два раза в год собирался сход, который решал вопросы, касавшиеся всего сельского мира, - отремонтировать ли мосты, учинить ли передел земли, обеспечить ли погорельца необходимым, да мало ли чего бывало на селе, требовавшего решения миром. И попробуй не выполнить то, что предписано сходом!

Крестьянский упрекающий взор, непоклон и отрешение за то - хуже нет наказания! Сельский мир сам собой управлялся, да еще с такой премудростью. Писаных законов знали мало (на то писарь сидел в волости!), но в сердце носили нравственные устои но совести великой.

А взглянем пошире да поглубже на историю нашу, так увидим, что крестьянство было судьбоносной основой Отечества. Мельчайшими живыми «клеточками» этого тела были крестьянские семьи - соборные личности. Они по невидимым взору нравственным и духовным законам создавались из индивидуальных личностей - крестьян и объединялись в свою очередь в сосемьи - общины, из которых слагалось крестьянство как целое. Потому

без семьи и личности крестьянина, без общины не было бы крестьянства и его великих дел. Точно так же без социально-трудового, хозяйственно-экологического и нравственно-духовного устоев не было бы крестьянина и его семьи, общины в целом крестьянства.

Все эти устои, будучи неравными, но равноценными, только и могли обогащать друг друга, и государственная деятельность состояла в том, чтобы не покладая рук, поддерживать этот крестьянский строй. В этом суть крестьянства и крестьянствования. Таков же был крестьянский строй и в селе на далеком Алтае. От года к году он совершенствовался, и, казалось, никто и ничто ему не страшны, не найдется силы его сломить. Но вскоре стряслась неожиданная тяжкая беда.

Революционные события, катившиеся по России, не скоро дошли до села. Но слышно стало, что из соседних сел выехали наскоро несколько крестьян, кто приторговывал скотом. За ними следом куда-то уехал и Митрофан Рехтин - единственный крестьянин, тоже приторговывавший скотом.

Катилась волна гражданской войны: то белые приходили, то красные их теснили, то те обирали крестьян, то эти - надо же было кормить лошадей и вооруженных людей.

В 1919-1920 годы были взяты якобы за поддержку белого движения и пропали без вести несколько крестьян - глав семейств со старшими сыновьями. Во след своим пропавшим сородичам - старшим - исчезли и остальные члены семей. Бывало так: днем только что говорил с соседом, а на следующее утро - его и духу уже не было. Пополнение села жителями остановилось. Все приглядывались, что далее будет.

В 1924 году появились в селе уполномоченные из района или из округа, и по их настоянию был создан комитет бедноты из тех крестьян, что не очень-то уважали крестьянский труд и не отличались высокой нравственностью. Этому комитету вменялось в обязанность следить за всем, что происходило в селе, особенно за помыслами, чаяниями и «разговорчиками богатеев». Ему наказывалось глаз не спускать с крепких хозяйств, хотя и не зариться, пока, на их имущество. Но это не главное, что вменялось комитетам. Они обязаны были образовать ячейку новой сельской жизни - коллективного, совместного труда и землепользования. И убедить в необходимости, непреложности наступления этой жизни как можно больше крестьян, а кто не пойдет на убеждения - заранее их приметить и взять на карандаш.

И как ни работал и ни заседал комитет, как ни горел у активистов свет в окнах до утра, пока не удалось сколотить такую ячейку. В марте 1925 года прибывший из района уполномоченный предложил вначале из самых активных бедняков организовать товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ), то есть весной совместно обработать землю и засеять ее из собранного в кучу семенного зерна. Но в 1925 году весной это не получилось, и только в 1926 году ТОЗ заработал, но урожай делили с криком, руганью, вспоминали былые обиды. Большая часть тозовцев ушла из колхоза-первенца. Сохранился лишь кооператив по совместной обработке

молока, но количество его членов поубавилось. И так было не только в селе Елинове, но и во всем районе, а там, далее и в округе и крае.

Первые шаги коллективизации явно не удавались, крестьяне только им данным чутьем видели в них опасность всему крестьянскому делу: все делалось наспех, непродуманно, без совета с ними, во вред ему. Крестьянам навязывалось что-то такое, что элементарно не вязалось с простым здравомыслием — противоречило основам крестьянского строя, который выстрадан в тяжком вековом труде, всем гением народа. Но эксперимент с крестьянством на началах коллективизации упорно навязывался. Чтобы поправить с ним дело, райкомы и райисполкомы, окружкомы и окрисполкомы, крайком и крайисполком принимали экстренные меры, такие, чтобы не было выхода у крестьян, как только податься в колхозы.

Поскольку большинство в селах и деревнях составляли так называемые середняцкие хозяйства, то на них и направлялись все способы принуждения к тому. Так, 21 апреля 1928 года в районе создается семейная и налоговая комиссия, которая должна была переобложить многосемейного середняка, «уловить его доходы от несельскохозяйственных заработков». Она установила надбавки к исчисленным ранее у них доходам до 25 %. Причем с хозяйств, имевших доходы до 400-500 рублей, снималось 16 %, а с хозяйств с большим доходом - только 8 %. Были установлены три типа хозяйств по степени налогообложения: индивидуально обложенные, индивидуально обложенные с надбавкой и лишенные льгот по сельскохозяйственному налогу, то есть отнесенные к полному изыманию у них всех наличных продуктов. Члены комитетов бедноты уже не работали непосредственно в сельском хозяйстве, а занимались только политикой - проводили слеты и смотры групп бедноты, совещания, обучения в округах. На них вырабатывалась тактика нового строительства колхозного строя. В этой тактике первым делом должно быть выявление кулаков, вторым - индивидуальное обложение всякого, кто будет препятствовать колхозному движению (продал 10 пудов хлеба - в обложение пошел!), третьим - ликвидация кулака как класса. Коммуна как форма колхоза должна занимать ведущее место.

В апреле 1928-го и затем в июне того же года пришли «сверху» директивы, запрещающие внутридеревенскую куплю и продажу хлеба, то есть вводилась государственная монополия на хлеб. В селах и деревнях «активисты» начали производить обыски хлебных запасов и даже создавать заградотряды. Находимое в хозяйствах зерно, которое оставлялось на прокорм семьи, и семена изымались полностью, а чтобы замести следы сего разбоя, относили такие хозяйства к третьей категории, то есть лишенным льгот, и объяв их срывающими хлебозаготовки и нарушающими хлебную монополию. Восемь таких хозяйств были разграблены, а главы их семейств увезены ОГПУ и навечно исчезли в лагерях. А директивы все ужесточались! В феврале 1929г. поступило запрещение на аренду земли кулаками, а в ноябре того же года их лишили всякого голоса во всех видах кооперации. Но этого было мало, зажиточные крестьяне, трудившиеся от зари до зари, имели

от такого труда еще накопленные запасы имущества и продуктов, которые делали их в какой-то мере экономически нравственно независимыми в своей деятельности и жизни. Это позволяло им, несмотря на внешнее разрушающее давление, сохранять в себе крестьянскую личность - как индивидуальную, так и соборную семейную. Но существование именно таких крестьян было главным препятствием для силовой коллективизации. Потому более 35-45 % общей суммы налогов было возложено на зажиточных крестьян. Бедные хозяйства, составлявшие в селе менее 20 %, от налогов освобождались.

Еще с конца 1928 года и особенно в первые месяцы 1929 года зачастили в село уполномоченные из района, округа, края и убеждали поселян в необходимости создания коммуны. «Коммуна нам нужна для того, чтобы ликвидировать двойную душу крестьянина, который не является еще социалистом», - говорили они на сходах. В августе 1929 года наконец удалось организовать такую коммуну под именем «Гигант», в которую первыми вошли 14 бедных дворов. К концу года в нее согнали 11 сел и деревень, включавших около 2500 дворов.

Лошадей и жеребят, коров и телят, овец и коз, кур и гусей, инвентарь и сбрую, телеги и сани, молотилки и жатки, зерно и муку, сено и овощи, пчел, мел и воск - все свезли, стащили, согнали в один «котел».

Над селом стоял плач женщин и детей, ругань мужиков, ржание лошадей, рев скота, лай собак, гогот гусей и неразбериха во всем. Лошади и коровы бежали из непривычных загонов-лагерей на свои дворы. За ними неслись очумелые скотогоны - «активисты» с матом, угрожая тем, кто приютит теперь коммунарскую скотину. Большая часть накопленных за десятилетия крестьянами имущества и продуктов за несколько месяцев была разворована, растащена, съедена - пошла прахом! Коммуна «Гигант» распалась.

Благо каждый тащил своего савраску и изреветшуюся буренку во двор, когда видел, что спина у лошади сбита или вымя у коровы не доит - присушено, да загодя косил сено по ночам в кустарниках. Нашлись и несколько десятков семей, которые не сдали свое хозяйство в коммуну тем и сохранили его от растраниживания. Августовские ночи стояли лунными, многие урывками убирали хлеб серпами. Кто побольше вернул «добра» во двор, тот не столь бедствовал, а кто был нерасторопен, тот пошел в голод и по миру. Жители села почувствовали впервые признаки голодовки! У кого что уцелело да лишку было, тот делился с растерявшими по спешке к новой жизни. Так с миру по нитке насобирали семена, рабочий скот да готовились в весеннему севу 1930 года. Но не думали крестьяне, выйдя едва живыми из беды коммунарской, что их больше не оставят в покое, не дадут самим решать крестьянские дела и что потянется эта «хлябятина» на десятилетия!

В январе 1930 года стало известно, что Сибкрайком принял постановление об окружных темпах коллективизации на текущий год. По Бийскому округу, куда входило село, надо было поднять уровень коллективизированных хозяйств с 4 проц., как было предусмотрено ранее планом, до 36 проц. и более. Сплошная коллективизация должна быть

закончена 1 октября 1932 года. В Сибкрайкоме, окружкоме и райисполкомах создавались боевые штабы по руководству операцией по раскулачиванию и выселению контрреволюционных элементов из сел и деревень.

Весь наличный репрессивный аппарат: ОГПУ, милиция, прокуратура и суд, земотделы, финотделы, редакции газет, селькоры, комитеты бедноты, сельские Советы, руководители ТОЗов, артелей и коммун - все были задействованы в силовом давлении на крестьянство. В села и деревни выезжали уполномоченные, которые при участии сельсоветов, председателей колхозов, бедняцко-середняцких групп и батраков должны были производить опись имущества кулаков и его конфискацию.

В феврале 1930 года Сибкрайисполком усиливает темпы коллективизации. Спускается конкретная разнарядка о выселении на новые земли, не считая изгоняемых на север «социально особо опасных крестьян».

50 тысяч семей, в том числе по Бийскому округу – 6500 семей. Надо было согнать с земли, выселить из домов и вывезти 250-300 душ по краю и 35 -40 тысяч душ по округу! На помощь лихорадочно действовавшим боевым штабам идут драконовские директивы «сверху». Сибкрайком рассылает 1 марта 1930 года по местам директиву о порядке раскулачивания и переселения кулацких семей, в которых разъяснялось, что часть этих семей, не представлявших социальной опасности и имевших трудоспособных, но больных членов, и женщин на последнем периоде беременности, райисполкомы по своему усмотрению могли выселять на новые земли в отдельные местности или отдаленные места в пределах края.

Вот гуманисты XX века! То ли из центра поступила депеша, то ли в крае посчитали, что темпы коллективизации сильно занижены, и потому 25 апреля 1930 года отметили ранее данные директивы и приказали завершить сплошную коллективизацию не к октябрю 1932 года и даже не к концу 1931 года, а к весенней посевной кампании 1930 года! И заработал как исступленный районный боевой штаб, загоняя одних крестьян в колхозы, а других вырывая из сел и деревень.

На сельском сходе, состоявшемся в апреле 1930 года, выездные боевые штабы говорили, что сделана ошибка, преждевременный скачок в высшую форму коллективного хозяйства - коммуну, что это делать еще рано и надо не с ТОЗа начинать, а с колхоза-артели, которая выше его по уровню обобществления и сознания крестьян. «Артель, -объясняли они, - это такой колхоз, когда становятся общими земли, инвентарь, хозяйственные строения, рабочий и продуктивный скот, а в личном пользовании остаются свои дома и огороды, мелкая птица, да одна корова, но кто хочет, может сдать и ее, молока хватит в колхозе на всех».

Для организации такого колхоза создан был в селе боевой штаб из представителя райисполкома, председателя сельского Совета, активистов-бедняков. Этот штаб объявил, что все села и деревни, которые ранее входили в коммуну «Гигант», теперь объединяются в колхоз-артель имени партизанского командира Громова. Во исполнение директив боевые штабисты работали круглосуточно, вызывая крестьян по одному или груп-

пами на собеседование, задавая специальные вопросы, по ответам на которые можно было судить об их классовой сущности и социалистической сознательности. На этих собеседованиях требовали от крестьян доносов, оговоров, предательства, злодейски попирая их совесть. Любой ценой надо было убрать с дороги нравственные устои, спасающие от раздора в крестьянстве, разжигания в нем социальной ненависти. Так, собранный материал - досье на крестьян - необходим был для разделения всей крестьянской общины на классы - бедняков, середняков и кулаков. А из этого расклада выводилось главное - кого отнести к «мироедом». По директивам эти «мироеды» делились на три категории, и к ним должны были применяться различные меры репрессий. Кулацкий актив подлежал наиболее жестоким репрессиям, вплоть до заключения в концлагеря и расстрела. Наиболее экономически мощные и активные элементы кулачества выселялись, менее мощные кулацкие семьи переселялись за пределы коллективизируемых территорий. Все имущество таких кулаков- «мироедов», их вклады конфисковывались и передавались коллективизированной бедноте с зачислением в неделимые фонды создаваемых колхозов и на погашение долгов коммуны ко-оперативным и государственным органам.

На собрании бедняков и сочувствующих колхозному движению было зачитано по заранее отработанному списку с учетом разнорядки и определено к выдворению из села 17 семей как классовых врагов, которые мешали и будут мешать колхозному движению. О тех 11 крестьянах-односельчанах, которые уже были взяты репрессивными органами в 1919-1920 годах и позднее, в 1927-1928 годах, не вспоминали, считали, что эти отцы и старшие сыновья самых хозяйственных семейств сгинули, ну и туда им дорога при теперешних-то делах.

И пора назвать репрессированные семьи, чтобы знала история их имена. Вечная им память! Они работали лучше всех, ухаживали за землей и скотом не в пример другим - нерадивым, соблюдали семейные крестьянские устои, берегли нравственную жизнь на селе. Без них не быть бы крестьянскому миру, которым мы держались века. Не каждый отважился в их присутствии хулить высочайшие идеалы жизни крестьянина, нарушать экологические законы окружающей природы, глумиться над нравственными устоями жизни рода, семьи, села, деревни, народа. Они жили по правде, потому и побаивались их те, кто возжелал кривды, кто уже творил черные дела!

Вот поименный перечень этих мучеников коллективизации: две семьи Фефеловых, две семьи Телегиных, две семьи Казазаевых, две семьи Новиковых, семьи Поповых, Большаковых, Пахомовых, Гордеевых, Черданцевых, Бобровых, Даниловых, Попугаевых, Зариных. На том же, видимо, сходе было решено семью Ермилы Трифионовича Новикова раскулачить, но оставить в селе, так как он, высказался за сход, много делал добра людям, будучи выборным старостой на селе, и был глуховат. А было у него в то время в хозяйстве на 6 человек (самых двоих, трех дочерей и одного сына): 7 дойных коров, 6 запряжных лошадей, 2 телеги и два передка, 6 саней, 6 комплектов сбури, 7 серпов, 6 кос, 4 топора, 3 поперечных и 1 продольная пила,

плотнично-столярный инструмент, 2 плуга да 3 сохи, 3 бороны, мельница, 30 пчелосемей, гумно, амбар, навес и скотный двор с поветью, баня и крестовый дом из сеней, прихожей, избы и горницы да тесовый забор на столбах. Вес это движимое и недвижимое имущество было описано и изъято в колхоз в фонд взносов бедняков, за исключением топора, поперечной пилы, двух лопат, лома, двух серпов, рубанка и четырех стамесок да съестных продуктов на два месяца. Даже последнюю овчинную шубейку сняли с плеч хозяйки Парасковии - жены Ермилы! Со словами: «Прости им, Боже, не ведают си, что творят!» - перекрестился, поклонился на все четыре стороны и пошел он с сыном рыть землянку па берегу реки, куда и переехала обобранная семья. В отнятый у него дом въехала семья бедняка Кирилла Казазаева.

Потянулись за околицу прижатые с боков конвоирами санные и тележные вереницы повозок в дождь, грязь, снег да мороз, набитые детьми, отцами и матерями, стариками и старухами и прикрытые чем попало - рогожей, зипунами, тряпьем, половиками и рванными одеялами. Ограбленных и обобранных до нитки 16 семей провожали все оставшиеся жители села, за исключением тех, кто потерял человеческий облик, - активистов и уполномоченных. Никто, расставаясь, не мог удержаться от слез и стенания. Обнимались в последний раз и просили прощения друг у друга. Понимали, что уезжали навечно богатыри духа, великие труженики-крестьяне, рождаемые и творимые веками.

Вначале изгоям говорили, что часть из них (что решал райисполком) будет выселена в отдельные места в пределах края. Но край был так велик, что тянулся до далеких тундр и холодных лесных болот Томского округа. Туда они все и загребели! На каком-то этапе выселенные семьи разделили на трудоспособных и нетрудоспособных членов. Первые пошли на лесозаготовки, сплав, строительство лагерей для себя, а вторые - в поселения, специально приспособленные для них.

Разрешалось брать на одну семью выселенцев серп. 2 мотыги, заступ. 2 топора, поперечную пилу, 0,1 продольной пилы, плотнично-столярный инструмент стоимостью 15 руб.. 0,1 бороны. 2 косы. 0,5 комплекта саней, телег и сбури, 0,2 плуга, харчей на два месяца, 0,5 коровы и 0,4 лошади. На запросы изгоняемых крестьян о том, как с таким-то имуществом можно далее жить, уполномоченные и активисты колхоза объясняли, что потому-то и дается им столь мало, чтоб в новых местах они объединялись в колхозы, чтоб перевоспитывались там к новой жизни. Но спешка с выселением была такова, так торопили уполномоченные, активисты и сотрудники ОГПУ, что даже половину того, что полагалось, взять с собой не удавалось. А иные просто на все махнули рукой и ничего не брали, кроме топора и пилы да сухарей на несколько недель.

Не прошло и двух месяцев после еще не закончившегося штурма крестьянства - небывалою за всю историю завоевания, как появились окружные тройки из ОГПУ, РКИ и прокуратуры для рассмотрения жалоб о раскулаченных и возвращении им имущества. По решению такой тройки вернулись из ссылки, как незаконно выселенные, четыре семьи: две

Телегинских, а затем Черданнских и Новиковых. Имущество им не вернули: оно было разворовано, растащено, изношено, прожито - и пойдй найди его теперь!

В семье Новиковых отец не вернулся. Он был замучен пытками за то, что не сознавался в школьном поджоге, которого, все знали, он не совершал, а был в нем оговорен злоумышленниками. Школа тогда размещалась в кулацком телегинском доме, и сожгла его сторожика-истопник. Вновь испеченные следователи ОГПУ во главе со своим районным начальником Дударевым сажали Самсона Трифоновича Новикова голым на снег и подолгу так его держали в жестокий мороз! Высокому, статному, кроткому, с окладистой бородой крестьянину палачи кричали: «Мы те покажем жись - ишь грамотный!» А пытку ту подсказал им односельчанин-активист, что сопровождал Самсона Трифоновича в ОГПУ и люто ненавидевший его за грамотность!

Вернувшись из Нарымского спецокруга ссыльные иногда близким рассказывали шепотом (я сам тоже узнал в 60-70-е годы от живых выселенцев в Архангельской и Вологодской областях), что везли их на баржах и выбрасывали на лесные и болотистые берега рек, где они должны были на «правах колхозов» своими руками создавать себе жилье, раскорчевывать лес, осушить болота, построить хозяйственные постройки.

Через год или даже к весне после осенней высадки на эти берега сохранялась в живых только половина привезенных. Особенно гибли старики и дети. Выжило же в местах спецпоселений не более одной пятой от прибывших. И все время, пока они находились в изгоне, их взоры обращались на юг, к своим землям, к родным могилам и пепелищам, глаза их не просыхали от слез!

Силами 100-120 семей спец-переселенцев строился поселок, включавший 15 жилых барачных корпусов, здание комендатуры, скотный двор на 30 голов, тесовый и бревенчатый склады, пожарный сарай и общественную баню. Постоянный надзор, запрещение выезда и передвижений, отметки, ежедневные нормы труда и продуктов питания - все как в подлинном концлагере, который и призван был ликвидировать кулаков как класс!

А там, на родине, куда они убежали бы хоть с завязанными глазами, никто уже не мешал огромной своре «посадников да нарядчиков» из села, района, округа, края строить колхоз не столь высочайшей формы, как коммуна, по чуть пониже --артельной. В границах разбежавшейся коммуны «Гигант», то есть из тех же 11 сел и деревень, почитай, в округе с радиусом в 25-30 километров, в муках, ненависти, насилии родился колхоз. Его контору разместили в центре этой округи, в селе Елиново, чтоб начальству можно было обыденкой возвращаться из каждой деревни, прикрепленной к нему в удел.

Председателями сельсовета и колхоза стали те, кто до колхоза и своим-то хозяйством не мог управлять и не знал толком крестьянского дела. Так, первым предколхоза стал некий Семидякин -- из двадцатипяти тысячников.

Семенной фонд наскребли кое-как на одну треть посевных площадей: после сплошной чистки амбаров еще в 1928 году крестьяне никак не могли свести концы с концами в хлебе! Посевы по пару уже как два года не водились, сеяли на скорую руку под весновспашку. Из 500 гектаров, возделываемых до коллективизации, засеяли весной только около 200, уморив на тяжелой работе без овса десятков хороших рабочих меринов. Сеяли рожь до самых июльских теплых дней, когда береза стояла в пышном зеленом уборе. Засеянная так поздно ярица не вызрела и была скошена на сено, а часть ушла под снег.

Бригадир, объезжая по утрам колхозников, стучал плетью в окна, зазывая на работу, а если не откликались, слезал с коня, входил в дом и заливал топящуюся печь водой, оставляя детей на день голодными и холодными. Колхозная работа - прежде всего! Однако собранный урожай хлеба пришлось сдавать по распоряжению района, округа и края и даже семенной приказано было увезти. Село осталось к зиме без хлеба!

Еще не сданную впопыхах в колхоз скотину продолжали забивать. На оставшихся во дворах коровах - по одной на семью - косили сено но ночам на лесных полянах да по берегам ручьев. Возили копны на себе. Голод стоял у ворот, но помогали старые запасы бобов, гороха, отрубей, овощей, кедровых орехов, спасал картофель! Да и мясо еще раздавали от забоя скота почти даром, чтоб не пропадало. Дрова возили тоже на себе: не надо было кланяться и унижаться лишний раз у бригадира, прося лошадь, принадлежавшую год назад просителю. Потиху начали растаскивать брошенные кулацкие сараи, амбары и дома. Пережили зиму - плохо, голодно, лихо, надрывно, так что кост и да кожа остались - все малым ребятишкам отдавали. Но весной 1932 года дружно сеяли хлеб, выпросив семена в районе, а тот - в округе; пололи его, косили споро-пырейные луга, бабы выкладывались, кто любит работу, гоня трехметровые прокосы. Многие надеялись, что все это временно, что жизнь наладится, что не станут весь хлеб выгребать. «Не изверги же там «наверху», уж, поди, и наелись нашего хлеба, дак и нам теперича оставят!» - говорили бабы-ударницы на покосе.

В солнечный и жаркий ильин день, который считало : грозным летним праздником, погнали кого уговорами, кого силой на уборку сена на большом увале. Люди шли и работали с неохотой, но к обеду завершали уже несколько зародов-стогов с приметками. Вдруг появившаяся из-за хребта, с запада, тучка разрослась в гигантское кучевое облако, из которого обрушился ливень с грозой. Два зарода сгорели в небесном огне! Сеноуборщики остались целы и невредимы, но их труд пошел прахом, да вспомнили они великие крестьянские верования.

В конце августа прошел слух в селе, что есть приказ все намолоченное зерно, которое почти на себе носили в амбары, свезти в район, а оттуда, известное дело, потащут далее. Слух подтвердился, и зерно все до зернышка увезли неизвестно куда.

К поздней осени кончились последние остатки старых продуктовых запасов, включая отруби, что скребли по сусекам, ребятишек стали держать на молоке, которое давала единственная на дворе корова. А зимой начался голод! Он продолжался весь 1933 год! И в этот год ушли на забой многие дойные коровы и мелкая птица. Вся лебеда на огородах, глухая крапива и корни репья-лопуха за заборами и пряслами, на заброшенных усадьбах были начисто съедены. Дикие растения: лук-слизун, ревень, борщевики — все было снесено с гор и тоже съедено. Заготовкой этих растений занимались подростки.

Как только ранней весной хариус поднялся на нерест в речки и ручьи, они же снабжали семьи рыбой. То вершой, то неводом, то удочкой вылавливали белоголовые босые парнишки каждый день по несколько килограммов хариуса, и на часть зимы хватало. Тем и поддерживали ослабевших матерей, отцов и работавших братьев и сестер. И если бы не эта рыба - не выжить бы сельчанам, благо ее было в те годы в реке, речках и ручьях столько, что потом никогда небывало.

Сил не хватало не только на колхозную работу, но и на собственный огород да покос. Мужики были в поле спозаранку. Но бригадир все объезжал дома и гнал баб, заливая топящиеся печи у нерасторопных, на покос или косовину хлебов. Они падали, пройдя несколько прокосов и тогда, сжалившись над ними, он давал команду: «Все по кустам». Это означало - полезай на черемуху, урожай которой в тот год был слишком изобилен.

Подростки, бабы и мужики объедались плодами черемухи и долго потом маялись животами. Оттого некоторые так и не поднялись! Умирали дети, постепенно ослабевая. Почитай, каждый третий ребенок так-то ушел из жизни! Так же умер и мой второй по возрасту брат - Ефрем. Не выдержал голода, отдавая последнее детям, и Ермила Трифонович Новиков - умер в 1934 году, не дожив и до 60 лет.

В конце августа 1933 года едва ли достигшие двадцати лет парни-колхозники Никита, Астафий, Филипп, Санька, Степан, Ахромей набрали ночью в поле по торбе ржаных колоссов и принесли домой, чтоб накормить умирающих матерей и детей (уж более двух лет хлеб во рту не бывал!) Но их сверстник Андриан их выдал. Всем дали по семь лет лагерей! Никто не вернулся - все погибли там, за исключением Степана, который пришел больным, немного поболел и умер.

Не приняли судьи во внимание и того, что умирали родные и что принесли они колоски ржи не столько для еды, как для запаха в доме. Один из «колосковых» говорил на суде: «Бабушка заказала принести хоть пучок колосков под божницу для запаха, а мы и решили принести по торбе, чтоб его больше было!» Безучастны были судьи и начальство колхоза и сельского Совета к этому заявлению, хотя сами исподтишка не торбами тащили, а мешками!

Василиса Пушкарева возила из села хлеб колхозный на подводах по госпоставкам в город за 200 км и в пути как-то взяла ведро овса. Принесла его на мельницу для размола, но мельник сказал об этом председателю, а тот

подал в суд и дали ей год лагерей. Отсидела и, идя домой, дорогой утонула в половодье, спасаясь на льдине.

Сироты многие шли по миру, как стаи заброшенных щенят, и мерли, как мухи. Вернувшиеся из ссылки «незаконные кулаки» говорили, что там, в лагерях, при комендатуре, изредка скудный паек, но давали, а тут и того нет!

И не было недели, чтобы не являлись в село на откормленных лошадях уполномоченные разных рангов и представители райкома, райисполкома, ОПТУ, райземотдела и т. д. Говаривали, что только в здании бывшего волостного правления, где теперь размещался райком и райисполком, и в соседних домах сидело более сотни человек начальников! Ублажали их колхозные и сельсоветские руководители, загружая на обратный путь припасами из кладовых, поили и кормили да по ночам женщин им водили. Не гнушались они даже насилием: девица ли была перед ними, женщина ли многодетная или солдатка...

По сообщениям газет, каким-то «колхозцентром» на самом «верху» была установлена еще в 1931 голу в колхозах «сдельщина» в виде трудодня. Пришла она и в колхоз им. Громова. Колхозники в сущность «трудодня» толком никак не могли вникнуть. Бухгалтер на собрании разъяснял, что ежели ты сторож, уборщица, погонщик, подросток (!), то тебе, проработавшему 10 часов, запишут один трудодень, а ежели ты работник по посеву, то получишь 1,25 трудодня. Будучи пастухом, трактористом, рулевым, возчиком - 1.45, грузчиком, землекопом - 1.65, а кузнецом, печником - 2 трудодня.

-Ну, а ты, Григорий Семенович, как счетовод наш, сколько же трудодней себе затешешь? - спрашивали из передних рядов.

-Я -то два с половиной, а вот председателю положено -три! - отвечал, не глядя в зал, бухгалтер.

— А как, в толк не возьмем, с оплатой этих трудодней? Кто трудодни, энти трудовыходы, будет записывать? — кричали из прихожей бывшего новиковского дома.

- А как я на этот трудодень прокормлю всех-то - у меня их мал мала меньше - девять душ со стариками? - рассуждал маленький сгорбленный мужик, стоя у косяка. -Да жинка чуть ноги волочит!

Иные вопили: «Не надо нам трудодней, оставим так, как было!» А было так. Зябь не пахалась, скирдование на гумнах и обмолот зимой, как в старое «кулацкое время», объявили «правым уклоном», а запишут в него - быть в лагере! Неработавшие получали больше хлеба, чем работавшие. Многие - тихие, негорластые - оставались без хлеба!

На завалинках, у контор колхозов или в приемных председателей сидели с мешками и торбами бывшие партизаны, отстаивавшие Советскую власть еще в 20-е годы, и кричали в правлении: «Что за власть пришла - морют и морют, хуть до куда морют. Мы что, даром кровь свою проливали? Нас теперь пусть она кормит бесплатно и до глубокой старости. И семейным нашим тако же надобно жить. Небось мы партизанские!»

Давали им из колхозной кладовки мешок отрубей, большая голодная семья съедала его за два дня и они приходили снова в правление, кланчили прокорм партизанский, заслуженный.

Председатель на собрании объяснял, что устанавливается такой порядок распределения продуктов по трудодням: вначале сдадим государству, затем отчислим в неделимые фонды, а уж потом выдадим на трудодни. Базарили колхозники до утра, но так и не поняли, что такое трудодень и как с ним жизнь пойдет!

Колхоз не выполнял планов хлебозаготовок и отчислений в неделимые фонды, и потому на трудодни ничего не оставалось. Потому большую часть времени колхозники трудились бесплатно, и только труд в неурочное время и по ночам на клочке земли у дома спасал положение, не давал умирать с голоду. Но и эти приусадебные участки находились под прицелом начальников разных уровней: ждали случая, чтоб их взять в изгон!

Слышно было, что в каких-то степных колхозах выдали на трудодень по 2 килограмма зерна, а в других - и по 20 копеек деньгами. Обещал председатель выдать к концу 1934 года по полкилограмма зерна и тоже по 20 копеек на трудодень, но кончился год - их не выдали, как и в следующем году. Один крестьянин в соседней Тележихе сказал на конюшне о том, что «живем похлеще, чем на барщине», и через день его забрали работники ОГПУ. С тех пор никто больше о нем ничего не слышал!

В 1931-1934 годах в районе каждый год создавались оперативные тройки по посеву в составе секретаря райкома, уполномоченного крайкома, начальника районного отдела ОГПУ с привлечением на заседания тройки - райпрокурора, начальника милиции, председателя райпартконтролькомиссии. Эта тройка в окружении десятка человек (были и конвоиры) приезжала в село ранней весной, и стояла тогда в нем гробовая тишина, даже собаки прятались в подвалы и зарывались в сено на дворах. Была на этот случай и пословица: «Троица в село, а народ из села!».

У коновязей стоял десяток лошадей, запряженных в кошевки. К вечеру их уводили в конюшни на кормление последними сбережениями колхозного овса. Его не выдавали даже голодающим детям и старикам для выпечки овсяного хлеба, но лошадям, на которых прибывали тройки с сопровождающими - пожалуйста! Какое было дело до лих детей и стариков всесильной и всеокрушающей власти! Репрессии продолжали быть решающим мерилom руководства. Не вступил в колхоз или вышел из него - кулак, и место тебе в ссылке, то есть в лагере.

Приехав в село в 1934 году, тройка сняла с работы двух бригадиров и отдала их под суд. Тут же их и забрали - благо и прокурор, и начальник милиции под рукой. А кладовщика взял в свои руки начальник ОГПУ, отобрав его у начальника милиции.

По предложению троек продолжалось обобществление последних коров, раскулачивание чем-то заметных в достатке крестьян, а райисполком и сельские Советы накладывали на колхозы штрафы, давали твердые

задания. Так раскулачены были две семьи в деревне Рыбное зато, что их родственники когда-то держали маралов.

Тройка самовластно установила обязательную норму трудодней: для взрослых мужчин – 300, для взрослых женщин – 200, а для подростков - по усмотрению правления колхоза. И тешились руководители колхоза: кому и сколько эту норму установить. А не выполнил ее - отрезали приусадебный участок, лишали покосов, не давали лошадей.

Тройка объясняла сокращение поголовья скота в колхозе агитацией «скрытых кулаков», которые перешли на новую тактику - изнутри разваливать и губить рост нового общественного хозяйства. Было объявлено, что развал кол им. Громова связан именно явлением такого рода!

На нескольких крестьян, продававших по 1-2 пуда односельчанам, донесли, и были индивидуально обложены. Чтобы рассчитаться, крестьяне «самообложились», то есть продали все свое **ИМУЩЕСТВО** с молотка. Но это им не помогло - они были сосланы как кулаки. Таким индивидуальным обложением и закрывали прорехи в поставках хлеба, подвергая крестьян самораскулачиванию». Это была одна из главных задач «посевных» троек!

Шли указания из разных станций об «укреплении но трудовой дисциплины». Сельсоветовское и колхозное руководство понимало это по своему да так тому учили и тройки. За 5 минут опоздания работу председатель или бригадир сажали в холодный амбар «прогульщика» на в ночь без теплой одежды. Особенно это практиковалось в отношении молодых женок, имевших грудных детей.

Отчаявшиеся мужики, натерпевшиеся издевательств, наконец осмелев, ломали двери амбаров, кидали им теплые шубы или спали вместе с ними, а иные уводили женок домой. «Добро» выселенных крестьян было к тому времени растрчено, прожито, съедено - прошло прахом!

Не только рассчитывались за долги коммуны «Гиант», которые хотели покрыть конфискованным имуществом изгнанных, но накопили еще большую задолженность. Обещанные районом, округом, краем дотации деньгами, техникой, товарами ширпотреба приводили или растаскивались, может быть, где-то на подходе к колхозу.

А работать вес больше заставляли без просветов и выходных! Десять часов надо было отдать колхозной работе, чтобы отработать минимум трудодней, да потом вечером и ночью - столько же еще на своем дворе, чтоб с голоду не умереть. Не оставалось времени не только на ласки, пригрев детей и женщин, но и на элементарный сон.

Дети беспризорными бродили по улицам и огородам, спали в конопляниках и на гумнах, где их подолгу искали. Устав артели не предусматривал ни платные, ни бесплатные отпуска колхозникам. Не было в нем оговорено ни тех, ни других отпусков по беременности и родам. Бабы все меньше рожали; ежели случалось такое, то частенько в поле да на покосе.

По ночам некоторые семьи куда-то исчезали, бросая свой скудный скарб на произвол судьбы. Но куда ж убежишь без паспорта, даже без

справки из колхоза на то, что ты к нему прикреплен: горемык ловили и направляли в лагеря как злостных подрывателей колхозного строя.

Не мог крестьянин вне колхоза сеять зерновые, так как еще с 1928 года это дело принадлежало монополии коллективных хозяйств, как и торговля хлебом. А кто рисковал посеять горсть зерна на поляне в лесу (такие бывали), тот уголовно наказывался. И хотя еще в июне 1930 года была отменена монополия на мясную продукцию на селе, но крестьянину негде было ее продать - базары и рынки были закрыты зимой того же года.

Села и деревни пустели, вымирали. Все видели, что уже к концу 1933 года колхоз им. Громова, выросший из коммуны «Гигант», полностью развалился, как развалились и другие колхозы района. Забеспокоилось районное руководство, жаловалось выше, в округ, а тот - в край. В депешах летело: надо спасать положение. Навстречу пошли дерективы из центра, края, округа, района. Одна из них - разрешить колхозы разукрупнить! И в 1934 году из колхоза им. Громова создали несколько колхозов. К селу Елиново присоединили две почти погибшие деревни - Рыбное и Чилик. В самом большом селе Топольное, входившем в гигантскую артель, организовали колхоз им. Кагановича.

Вторая директива - разрешить отходничество колхозникам, третья - допустить им пользоваться лошадьми для удовлетворения личных нужд, четвертая - не допускать игнорирования единоличного хозяйства, с которым должно мириться, и, может быть, еще долго. Была и директива об освобождении на два года от налогов обобществленных скота и птицы, а также о списании задолженностей колхозов по землеустройству. И в селе раздали часть скота по дворам, прибавили огороды, на их вспашку и подвозку дров к домам стали иногда давать лошадей, труженики получили по несколько мешков отрубей.

Но дело поправлялось плохо, колхоз продолжал влечить жалкое полуголодное существование, редая; многие стремились уехать из села. Вербовщики умудрялись охмурить председателя, и тот, изловчившись, отпускал некоторых поселян для великихстроек, требовавших все больше рабочего люда. Ушедшие в армию часто не возвращались в село. Солнечным хлебобородным августом 1937 года по разнарядке, как врагов народа, прямо со жнеек опергруппа НКВД взяла семь самых работающих и совестливых мужиков, которыми как-то еще держалось село, таких, которые беспрекословно шли на все работы и лишения и в своей жизни и муху не обидели. Как тогда говорили, они пошли «по линии НКВД».

Линия эта поглотила безвозвратно Максима Беспалова, Агафона и Федора Поповых, Венедикта Налимова, Дорофея, Ермилу и Василиса Большаковых. Подвыпившие уполномоченные проболтались в селе, что всего взяли в районе так-то около 1000 человек. Среди них был взят и Михаил Филаретович Черепанов из села Туманово. Осталось на руках жены Агафьи - дочери Ермилы Новикова - четверо малолетних детей.

Разбойничавший в то время в том селе руководитель Кирька Ломакин носился па взмыленном жеребце и кричал: «Повалитесь все камни на богатые дома!»

Переехала Агафья с детьми в Елиново, поселилась в одном из заброшенных домов и стала приспрашивать работу, чтоб кормить голодных и босых ребятишек. Председатель сказал: «Тебе, жене врага народа, не следует давать никакой работы!» Но потом, сжалившись, отправил ее копать вручную силосные ямы глубиной до четырех метров. С такими же, как она, женами «врагов народа» Агафья корзинами поднимала из ям землю. И так бывало от зари до зари! И вспоминала, как в 1914 году умирала она от воспаления легких 8 лет от роду, и как дед Трифон сказал ей тогда при матушке: «Зря, внучка, поправляешься, будешь всю жизнь силосные ямы копать!» О тех ямах и слыхом никто тогда еще не слыхивал.

Дивилась Агафья Ермильевна на то предсказание деда. Она действительно потом всю жизнь их копала, пока не обезручила и не обезножела. И пропахла силосом так, что все ее сторонились. «Агафья идет», - за полверсты чуяли односельчане! Более 30 лет во рту хлеба не держала, отдавая его детям. Питалась конопляным семенем, натолченным в ступе. Поднимавшихся детей не принимали в школу как «вражье отродье!» Вспоминала также не раз, как поехала она в район передать съестные припасы мужу-арестанту и как узнала там, что «враги» содержатся в баракке НКВД. Подошла поближе к нему и увидела, как августовским теплым днем пар валил из открытых верхних продушин в окнах. Стояли арестанты в баракке впритык друг к другу, как селедка в бочке, не выдерживали тесноты и удушья - гибли, и по ночам их выбрасывали в овраг за селом, присыпая землей. Бегала в тот **ОВРАГ, но не** нашла своего. Прислал он потом пару писем с дальнего этапа, но потом сгинул неизвестно где.

Сказывали также, что и тот, чьим именем был назван колхоз - партизан Громов,- попал в эту же разрядку как враг народа. Потому приехавший уполномоченный приказал переименовать колхоз имени Громова в колхоз XX лет Октября. И не только переименовать, но и дать ему другое направление деятельности - кустарное. Колхоз сделали промартелью! А оттого сделать, объяснял он, что кустарная промышленность запущена в Сибири, а изделия ее так нужны государству. И ли заниматься изготовлением саней, бричек, телег, дут, колес, бочек, выкуриванием смолы, выгонкой дегтя и пихтового масла. Сельским хозяйством обязали заниматься как подсобным. То, что было подсобным, сделали главным.

Всего за 10 лет оказались заброшенными все дальние пашни и покосы, а это было 60 проц. посевных и 70 проц. сенокосных угодий, растеряно 70 проц. скота, разогнано 30-40 проц. крестьянских семей, именно тех, кто обладал талантом и любовью творить крестьянское дело.

- Ну и поделом, - говорило руководство района и округа. Кустарь - это не крестьянин. Так что переход к промартели - шаг вперед к светлому будущему!

Никто уже не возражал против такого «великого обновления» в селе – некому было! Всех, кто в последние годы пытался возражать то пытался возражать да вносить толк в происходящее, прибрали по «линии НКВД».

И всем все стало безразлично. Работали молча. Отворачивались друг друга: боялись, как бы чего лишнего не сказать – в душе поселился нечеловеческий страх! Не всякий желал здравствования встречному утром односельчанину, как и не отвечал взаимностью. Росло душевное неуважение друг к другу, накапливались обиды. На селе не было медицинского обслуживания, а в районный центр не наездиться. Старые целители погибли в ссылках. Потому селяне мерли от малейшего поветрия. Так умер в 1938 году трех лет от роду мой младший брат Виктор, проболевший всего три дня.

Выстроенное за десятилетия чудное село погибало на глазах. Оно напоминало поселение людей, собравшихся его покинуть в любой момент. Зеленая, усаженная ветлами улица была разбита и превращена в трясину и ухабы. В центре села, где стояла самая красивая и добротная фефеловская усадьба, теперь раскинулись колхозные скотные дворы. Навоз не убирался, и скот бродил, увязая по колено, в топкой, зловонной жиже.

Всюду можно было встретить рваные веревки, обрывки сбруи, брошенную тару, доски и бревна, изломанные плуги и бороны, телеги и сани. Зияли провалы от сожженных и увезенных домов, усадьбы зарастали крапивой. Запустелыми стояли амбары, свезенные к одному месту. Поскотинны обветшали и развалились, а главные въездные ворота были распилены на дрова.

Тащили все, что плохо лежало да под руку попадало. На дверях домов висели амбарные замки. Дальние заимки были разграблены и растащены, след от них простыл. Разворованные и свезенные тоже к одному месту пасеки стояли беспризорными и часто менявшиеся на них пасечники не следили за ними и пчелы вымирали, как мухи, при первых морозах. Самобытная чудная речь жителей села сменилась непривычными слуху словами: контрактация, конфискация, реквизиция, контрреволюция, агитация, массовик, ударник, МТС, центросоюз, индустриализация, коллективизация, тракторизация, машинизация т.д. В общении между людьми в быту, на колхозной работе хульные и матерные слова, говорились в присутствии детей, подростков, девушек и женщин!

Еще в 1928 году, когда воинственные безбожники предлагали все село объявить безбожным, вековые праздники, включая воскресные, были объявлены изобретением темных сил «эксплуататорского строя, и потому недостойными «праведного» колхозного строя. Именно в эти «темные дни старого мира» предлагалось как можно больше работать, чтобы искоренить «опиум» для народа. Как только создали колхоз, так и пошло: ни в выходных, ни праздников.

Проголосные, правдивые, удалые, душевные, звавшие на труд и любовь песни и хороводы исчезли.

Власть разладила устои народной жизни! А почему? Чтобы растворить свои грехи во всеобщем грехопадении.

Святость семьи была предана анафеме, о ней и не вспоминали. Муж ходил к другой замужней женщине или солдатке. Жена бегала украдкой от мужа к другому мужчине. Женщины меняли мужей, муж бросал свою жену, когда она становилась в годах, и брал замуж ее дочь, ему неродную. Возраст женившегося или ходившей замуж не имел значения: молодая шла к пожилому или пожилая — к молодому!

Крестьянская семья, как тонко слаженный живой организм, связанный незримыми материальными и духовными нитями, перестала существовать. Отец и мать, старшие и младшие дети, дед и бабка становились не членами единой семьи - временными жильцами, связанными только биологическим родством, которое легко порывалось.

Даже двоюродные братья и сестры не стали считаться родными. Родительская тяга к детям еще сохранялась, но детей к родителям - все ослабевала и даже прекращалась. То, что взамен пришло, было уже не семья, а случайно сбежавшиеся по пригляду на время люди, не несшие никакой ответственности ни за стариков, ни за детей, ни за себя. То был уже не организм, а временно собранные живые существа - винтики для обслуживания плохо собранного непонятного механизма.

Даже коровы и лошади отвыкли и стали безразличны к доброму слову, подчинялись только ругани и матерщине. Когда бывшие хозяева называли по именам своих еще сохранившихся лошадей и коров, те тихо поворачивали головы на зов, как бы вспоминая о чем-то. Вечерами гонимое погонщиками с пастбищ стадо коров останавливалось у избы Пушкаревых, где играла гармонь, и не хотело уходить. Пастухи свирепели, били бичами скотину и жаловались председателю на Пушкаревых. Играть в гармонь было запрещено.

Благоговение к высшему - вечному миру, сострадание к равному миру - человеческому, вспомоществование к земле и населяющим ее тварям покинули сердца измученного крестьянства. И какие дьявольские силы надо бы высвободить из преисподней, чтобы из года в год не давать проявлению святых стремлений. И как бесновались эти силы, какой паутиной демагогии и посулами опутывали крестьянский мир, чтобы загнать его в земной, или придуманный «рай», но вместо него наступал «ад»!

Однако ничто не могло поколебать вечного зова крестьянина, заложенного в глубочайших тайниках его души к живой земле, роду хлебов и животных, безответственных к насилию. Он каждый день отрешенный, шел и шел видеть это великое таинство - рождение новой жизни, и только он мог его глубоко понимать! Колхозники, делая всякую утварь, инвентарь и т.п., сеяли хлеб, пасли и кормили с пусть бесплатно и маловато, но делали все это.

Как бы винясь перед последними, недавно ушедшими по дорогам НКВД в небытие земляками, день и ночь убиравшими урожай, порешили и испросили в районе дать на день по 1 килограмму зерна по 20 копеек деньгами. И пошло так-то и на другой год. Но в мае 1939 года во исполнение высоких постановлений состоялся майский Пленум ЦК ВКП(б) пошли распоряжения краевых и районных инстанций, в которых увеличение

приусадебных участков рассматривалось как уголовное преступление. А колхозники, невыработавшие обязательного минимума трудодней - не менее 80, считались выбывшими колхоза и теряли все права на такой участок.

Умершею ранее от удара председателя колхоза Семидьянкина обвинили в наделении излишней землей колхозников. Слышно было, что несколько председателей по району были преданы суду, как уголовники, за увеличение приусадебных участков. Сохранившихся под видом кордонов лесников и объездчиков хутора свозили к одному месту, в села и деревни. Подросшее поголовье телок, бычков в личных хозяйствах скупалось за бесценок колхозами, и тем объяснялся в них рост стада крупного рогатого скота. В тот же 1939 год отчисления в неделимые фонды достигли **20 проц.**, а установленные еще в 1928 году грабительские заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты (за 1 килограмм зерновых - 4-8 копеек, овощей - 19,2, картофеля - 4,7, говядины - 20 копеек!) не покрывали издержки производства, и экономика коллективных хозяйств разваливалась в прах! Росли долги. А тут еще организовали районную МТС, которая стала забирать себе более одной трети урожая.

Натуроплата стала невозможной, а денежные выдачи за проданные изделия ширпотреба не превышали десятка рублей в месяц на трудившегося. Все наработанное отчислялось в фонды, на покрытие налогов и долгов. Надо было содержать вдобавок вновь созданный трест «Союзхимиромбытартель», засевший в городе Бийске с немалым числом управленцев.

Так в надрыве, надсаде, недоедании, но с неугасшей надеждой подошел народ к великой войне!

Шел июнь 1941 года. Уж привыкли ожидать какую-либо беду на каждый день и тем-более месяц: то трудодни не запишут, то надсадную работу дадут, то «трудодневное» зерно увезут, то соседа, мужа или брата заберут невесть почему, то бригадира-живодера поставят. Но в том колхозном июне, что пришел, было особенно тревожно и беспокойно: то какой-то самолет все кружил, кружил над горами и селом, то ночное небо озарилось всполохами, то ударил ночной взрыв такой силы, что ранее не слышали.

К объявлению войны п бывшим из района нарочным отнесли как бы безмолвно, безропотно: привыкли к своей войне, которая, как прочитывалось в газетах, катилась по всей стране, потому и никто не обмолвился, понимая: «Одной беды не миновать, как другую ожидать!» Старый дед Афанасий только и сказал: «Добьют вконец крестьянство!»

Солнечным июльским днем стояли надрывный плач и глухой стон: жители села провожали первый набор тридцатилетних, отборных мужиков, рожденных крестьянками в пору великого подъема сельского мира. Уходили на фронт появившиеся на свет в 1906-1912 годах. Мужчины, обряженные в самые лучшие одежды, нажитые в нелегкой крестьянской жизни, целовали и обнимали своих жен, невест, детей, родителей, близких с закаменевшими сердцами, зная наперед, что прощаются навечно.

Жен и невест с трудом отрывали от мужей и женихов, сидевших на телегах и бричках. Все ушие в тот день легли смертью через два-три месяца, а к раньше, под Смоленском, Вязьмой, Можайском, Калинином, Москвой.

К осени пошел на фронт второй набор мужиков, кто постарше да помоложе. Опять стоял несмолкавший женский плач. И эти, ушедшие на запад, пали под Киевом, Черниговом, Сталинградом, на Курской дуге. Затем все 17-18-летние юнцы, взятые в разгар войны, были выбиты в Прибалтике, Белоруссии, Польше. Девушки, не дождавшись своих суженых, тоже уходили на фронт, и многих из них так и не дождались в селе. Всего не вернулось с фронта 33 мужика, а двенадцать вернувшихся были изранены и искалечены!

Женщины и подростки, могутные старики и старухи впряглись в работу, не разгибая спины с раннего утра и до позднего вечера. Не раздеваясь, так и валились они в постель, чтобы утром снова бежать на работу. Падали лошади - сами впрягались в гужи! Первые возвратившиеся с фронта в начале 1942 года увидели в селе жестокую картину неимоверного женского и детского труда. Все, что наработывалось изо дня в день, сдавалось для снабжения армии. По зимнику хлеб увозили на едва живых лошадях. Питались с народов овощами да картофелем, сменами конопля, мякиной и лебедой, лепешками из лука слизуна да рыбой из речек и ключей.

Но ничто не менялось в установившемся государственном порядке по отношению к крестьянскому миру. Там, на фронтах, гибли мужья, женихи и сыновья, здесь медленно истощались последние силы жен, невест и сестер. Внешний и внутренний фронты как бы сливались воедино! Там гибла мужская, здесь женская половина крестьянских душ. Становой хребет государства - его крестьянство - крошился, дробился, рассыпался и исчезал из Отечества.

Как и десять лет тому назад, порядок распределения продуктов в колхозе сохранялся все тот же: вначале сдай в неделимый фонд и государству, а затем получи на трудодни. Но для выдачи на последнее ничего не оставалось. И чем дальше шла война, тем больше забиралось для нее, тем голоднее становилось. Ослабевших и упавших от голода и непосильного труда поднимали в полях, на огородах, гумнах, улицах, откармливали и отпаивали кто чем мог, сообщая, и они снова шли на работу!

С трудом вспаханные и засеянные поля давали по 5-6 центнеров с гектара зерновых. Коровы от хронической бескормицы давали 700-800 литров молока. Личные хозяйства без коров составляли более 50%, без овец - более 60. Часто не успевали присматривать за стельными коровами, и рожденные телята вмораживались в лед навозной жижи. Зимой 1943- годов более одной трети лошадей, крупного рогатого скота овец пало. В районе голод косил людей, особенно детей и стариков.

Трое первых фронтовиков, вернувшихся израненными, начали поднимать кустарные промыслы, и появились денежные выдачи. Но увеличивались военные займы, которые отнимали большую часть заработка.

Напряжение селян в поддержании войны возрастало. Колхозы не справлялись с обеспечением продуктами армии и городов, несмотря на то, что все наработанное ими увозилось. Потому увеличивались обязательные поставки продуктов, мяса, птицы, живого скота и денежные налоги с единоличных хозяйств.

Массовый характер принимает растаскивание скудных запасов продуктов в колхозах и личных хозяйствах. Возросший районный аппарат за низкие цены или бесплатно брал скот, зерно, муку, корм, мясо, молоко, овощи, мед. Не было ни одной недели, чтобы под видом инспекционных проверок не являлись представители из района, все также на откормленных лошадях, за таким промыслом. Бригады сотрудников МВД и МГБ являлись в село, вооруженные автоматами и карабинами, заставляли подростков по глубокому снегу гнать на них, засевших в засаде, диких косуль, и они расстреливали их десятками и набивали свои кошевки убитыми животными. Разбазаренные продукты списывали подложными актами на порчу или находили «козлов отпущения».

Так был посажен на 3 года лагерей кладовщик - восемнадцатилетний Ефрем Максимов за недостачу продукции, выданной им районному начальству по записке директора совхоза. Из лагерей он не вернулся. Но вместо того, чтобы наказать этих грабителей и разогнать их гнезда, выезжали райоино-краевые комиссии по «борьбе с нарушением устава сельхозартели» и отбирали «излишки» земли у колхозников на приусадебных участках, которые снова шли в заброс.

В 1946 году в надежде поправить финансовые дела да иметь заработок, силами промартели построили лесопилку, которая должна была приводиться в действие турбиной. Для этой цели соорудили на речке Щебете глухую плотину. Она перегородила эту речку, и все основное стадо хариуса не прошло на нерест, а та его часть, что была местной, - уничтожена взрывчаткой, которой пользовались вербованные из геолого-разведочной партии. Рыба была сгублена навсегда! Так случилась экологическая катастрофа на одной из малых речек в горном Алтае. Но такие катастрофы затем станут системой, они захватят с годами, как раковая опухоль, и малые, и великие реки.

Наступил долгожданный мир на фронтах, но в селах и деревнях его не было. Положение в сельском мире становилось все хуже. Колхозы района не поднимались на ноги, хотя промартель «XX лет Октября» как-то перебивалась кустарным промыслом. В 50-е годы обязательные поставки и контрактация продуктов с личных хозяйств, мясopоставки и птицепоставки, сдача по той же контрактации скота возросли до небывалых размеров. Эти продукты и скот просто забирались за бесценку.

Это был государственный оброк! Доходы семей от него составляли единицы процентов, так как закупочные цены были в 100 раз ниже, чем рыночные. А тут еще давил подоходный налог. Скажем, личное хозяйство, имевшее корову, свинью, мелкую птицу, 0,4 гектара земли, в том числе 0,15 картофеля, 0,10 зерновых, 0,10 сада и 0,05 гектара овощей, каждый год

должно было отдать 1500 рублей. Но большая часть продуктов сдавалась с участков по обязательным поставкам за бесценок (а до рынков - за сотни километров! – не дооберешься), и потому на уплату налога ничего не оставалось.

Агентов по налогу и госпоставкам развелось столько, что они буквально как мухи, облепляли несчастных домохозяев - в основном инвалидов войны, вдов погибших на фронтах, стариков и старух. Только уходил агент по мясу, как являлся агент по скоту, а за ним шел налоговый агент! И так изо дня в день! Не сдал продукты, не заплатил деньги - отдавай личное имущество: самовар, посуду, зеркало, гармонь, балалайку, шкаф, стулья, диван, платье и обувь. Большая часть этого отобранного имущества оседала в домах агентов-грабителей!

Каждый год село из 80 дворов должно было сдать 30-35 толов скота, то есть 25-30 проц. всего поголовья! Пчелиный налог подкосил под корень все домашние пасеки. Личное хозяйство на земле стало повсеместно разоряться. Из села уезжали вес, кто мог, бросая дома, имущество, участки и обжитые места. Все опостылело им на этой земле, валилось из рук всякое дело, шло не в радость, а в горе! А как тому было не быть, если продолжали свирепствовать, да подчас так, как до войны и в войну не бывало, сельские «начальники», которых назначали в районе.

В 1949 году один из председателей-пьяниц в селе Елиново отбирал лошадей у стариков и лесников, сгонял с личных дворов дойных коров в гурт, отрезал приусадебные участки, не давал покосов. В селе Коргон соседнего района председатель колхоза спустил на веревках вниз головой в колодец двух женщин за то, что они в урочное время ходили за кедровыми орехами и спрятали их в тот колодец. Погибли бы мученицы-колхозницы, но нашлись добрые люди, подняли их из него опухшими и еле живыми.

Плохо помогали шедшие сверху директивы 1953-1955 годов. В колхозах вводилось ежемесячное авансирование, поднимались заготовительные цены на скот, птицу, молоко, овощи, мясо, уменьшались ставки на кредиты и снимались долги по обязательным поставкам МТС и натуроплате, снижались ставки сельхозналога и делались независимыми от суммы дохода с приусадебных участков. Выжившие старики говорили: «Да где же вы, благодетели крестьянства, ранее-то были, разве не видели, что делалось-то с ним? Поди верни теперь крестьянина! Снявши голову, по волосам не плачут!»

К середине 50-х годов хозяйство артели уже было подрублено - мало пахалось и сеялось, мало водилось скота, а к концу их стал угасать кустарный промысел, трудоспособных людей почти не стало. Богатейшие лиственничные леса по верховьям рек и речек к этому времени были уничтожены и увезены в степные районы навалившимися на них колхозами и совхозами, трестами и всякими «промбытами» со своей армадой тракторов и прицепной техникой. И дошло дело до того, что ни дом поставить, ни сарай срубить, ни домовину смастерить! Так погиб хранитель чистоты и изобилия водных источников - алтайский лес!

Остатки промартели в 1957 году были переданы в райпромбыткомбинат, который рез пять лет довел ее до полного разорения. Сменявшие председатели - пьяницы, забулдыги, придурки, грабители - растаскивали, уничтожали, прожигали последние ее «рожки да ножки». Потребовало всего 44 года, чтобы великий крестьянский мир на маленьком уголке Земли пошел прахом! Нет теперь здесь ни села, ни крестьянина и его семьи, ни кустаря, ни хозяйства с его дворами, полями, лугами, лесами, пасеками, реками, ни лошадей, ни скота, ни мельниц, ни плотины, ни мастерских! Все сгинуло в «райских куцах» - коммуне «Гигант», колхозе им Громова, промартели «XX лет Октября», промбыткомбинате!

Трудно точно определить, сколько было стужено крестьянских душ в селе с 20-х по 50-е годы, то есть за 30 лет лихолетья. Но неумолимые факты показывают, что в нем, не считая детей и стариков, умерших от голодовок и болезней, было физически уничтожено не менее 120 человек, или около 25 проц. его населения. В 1917-1920 и в 1927-1928 годы погибло 11 человек, в 1929-1931 - около 60, в 1933-1937 - 14 и в 1941 -1945 годы - 34 человека.

В эти же годы 42 семьи, или более 50 проц. было подвергнуто репрессиям в отношении целых семей или их членов. Более 40 проц. семей стали фронтовыми, потерявшими своих отцов или сыновей.

Другими словами, более 90% семей в селе было втянуто в жестокую распрю, физически уничтожено, морально, психически или нравственно затравлено, разложено и подавлено, то есть насильственно выведено из крестьянского строя. Еще до коллективизации село покинуло 15 проц. семей, после нее также 15, затем в войну и после войны - более 50 проц. Из оставшихся ныне в погибшем селе 17 дворов, то есть 20 проц. от бывшего их числа, большая часть не занимается крестьянством, и в них насчитывается 10 трудоспособных. Так погиб крестьянский род на моей малой родине!

В течение тридцатилетия бурная, без роздыха, государственная деятельность была направлена здесь на то, чтобы постоянно удерживать крестьянский мир в жестокой замятии - распре и раздоре, призванных якобы привести к социальной справедливости. Но распря и раздор, основанные на злобе, еще никогда не были созидющим началом. Они не являются и не будут являться творческой силой крестьянского строя. И как теперь мы видим, именно они привели к разрушению этого строя.

Путь к тому был избран простой. Вся община была умышленно подразделена на три части: «бедняков», составлявших 20 проц. дворов, «богатых», также составлявших 20 проц. дворов, и «середняков», имевших 60 проц. дворов. Так вот, «бедняков» натравили на «богатых» при постоянной изоляции «середняков». Захудалым хозяйствам было сказано, что они таковы именно потому, что существуют зажиточные. И чтобы уничтожить источник их бедствия, было предложено ликвидировать зажиточные хозяйства.

Молчаливое большинство - «середняцкие хозяйства» - смотрело безучастно или даже сочувственно на то, как руками «бедняков» избиваются «богатые». И когда это избивание «богатых» было закончено, а их имущество

было отобрано в пользу «бедняков», то есть по большей части разворовано, тогда очередь дошла и до «середняцких хозяйств».

Под видом коллективизации, призванной якобы обеспечить высшую социальную справедливость, им было предложено добровольно, без ропота сдать имущество и землю туда же, в колхоз, то есть под начало «бедняков». А те, кто пойдет против введения такой «высшей справедливости», относились к зажиточным хозяйствам, то есть подлежали репрессиям как социально опасные элементы.

Эта операция с «середняками» была проведена быстро, чтоб не успели опомниться. Имущество «середняков» было отобрано, то есть присвоено «бедняками» под видом колхозной собственности. Так-то принудили «середняков» отказаться от экономической и нравственной независимости и стать зависимыми поденщиками всепоглощающих коллективных хозяйств. Истинная же цель таких хозяйств для поденщика оказалась за семью печатями.

Итак, на месте крестьянского строя как органического целого возникло нечто иное - механически смешанные временные коллективы. Люди не несли ни эколого-хозяйственной, ни нравственно-духовной ответственности ни за себя, ни за окружающий мир, ибо уничтожена была основа такой ответственности - нравственная личность крестьянина.

Только ли на моей малой родине случилась эта жестокая трагедия? Нет, то же произошло во всем районе и в более широкой округе. В уже упоминавшемся некогда богатейшем селе Коргон, имевшем более 200 дворов и более 1200 крестьянских душ, в те же годы было физически уничтожено 250 человек, то есть около 20 процентов жителей, в том числе в коллективизацию - 215, на фронте - 18, за «колоски» и по «линии НКВД» - 16 человек. Репрессиям было подвержено около 30 проц. семей. Более 18 проц. стали фронтовыми - потерявшими отцов или сыновей.

Ныне в селе насчитывается 30 дворов, имеющих 20 трудоспособных. И здесь, как видим, крестьянский строй рухнул. Система его разрушения была та же: разжигание ненависти и раздора внутри крестьянской общины для установления якобы социально справедливого мира. Этот «справедливый мир» в 1929 году вводился под видом коммуны, в 1930 - колхоза-промартели, в 1931 - колхоза-сельхозартели, а в 1957 году - отделения совхоза, которое довело село до полного разорения.

К 1980 г. только в Солонешенском районе Алтайского края полностью исчезли 20 сел и деревень, имевших около 2600 дворов и более 16 тысяч жителей. В наши дни в оставшихся селах и деревнях насчитывается около 4200 дворов и 17 тысяч жителей, но еще в 1955 году их было 55 тысяч, то есть за 25 лет население района уменьшилось в три раза. Двенадцать сел, имевших по 100 и более дворов, за последние 30 лет стерты с лица земли.

Крестьянский строй района распадается. И этот процесс раскрестьянивания продолжается. Каждый год количество жителей в районе сокращается более чем на 1000 человек. Это означает, что через 12-15 лет в нем образуется крестьянская «пустыня».

Локальное ли это событие, принадлежащее только одному из уголков дальнего Алтая? Нет, к сожалению, оно, как незаживающая рана, охватило все Отечество!

От редакции:

Уважаемые читатели газеты «Горные зори», в этом номере мы заканчиваем публикацию статьи нашего земляка Ф. Шипунова «Великая замятия», в которой автор по воспоминаниям людей старшего поколения, некоторым архивным материалам, своим воспоминаниям показал этапы перерождения российской деревни, на примере села Елиново, где он родился.

Судя по отзывам, не все читатели согласны с мнением Ф. Шипунова по истории крестьянского развития в послереволюционный период.

Поэтому редакция ждет откликов, подтверждающих или опровергающих факты и события, приведенные в «Великой замятне».